

3. ГИППИУС

«Православный» Струве

Я не считаю особенно продуктивной полемику посредством напоминания П. Б. Струве, что в таком-то году он держался таких-то политических взглядов, а теперь высказывает противоположные. Поворот Струве начался давно, и об изменениях своих политических позиций Струве всегда открыто заявлял. Но о перемене взглядов своих на религию, в частности на Церковь и Православие, мы таких открытых его заявлений не слышали. Поэтому мы вправе напомнить о совсем недавней его позиции в данной области, чтобы сравнить ее с той, которую он ныне занял в своей газете «Возрождение».

Существа вопроса, поднятого в связи с докладом Ильина, — вопроса о «религиозном насилии», о «кресте и мече», — я намеренно не касаюсь. По существу, я буду говорить лишь тогда, когда приду к полному убеждению, что мой собеседник тоже берет вопрос по существу, хочет решать его безотносительно, вне зависимости от своих решений в другой области. И я ограничиваюсь пока изложением тех взглядов Струве на православие, религиозную политику и т. п., которые он много раз высказывал и от которых ни разу не отрекался.

В течение нескольких лет, перед самой войной, между П. Б. Струве и группой участников С.-Петербургского религиозно-философского общества велся оживленный спор, мало-помалу перешедший в борьбу. Группа отстаивала связь религии с общественностью (и непременно с ее освободительной линией), крайне отрицательно смотрела на подчинение Церкви автократическому государственному строю, одной из причин этого подчинения считая внутреннюю неподвижность Церкви. П. Б. Струве держался взглядов определенно противоположных. Он, во-первых, отрицал в принципе связь христианства, даже какой бы то ни было религии, с общественностью:

религия — «приват захе»¹. Во-вторых, что касается Церкви, он не придавал важности ее связи с автократией: на православную, «седовласую», по его выражению, Церковь он смотрел просто как на некую добрую необходимость «для народа», — хотя бы в моральном отношении.

Эти взгляды, с большой четкостью высказываемые Струве на собраниях и печатно, привели его к действительному столкновению с группой противников по поводу исключения Розанова из Р<елигиозно-философского> общества. Это было во время дела Бейлиса². Струве признавал, что поведение Розанова — непозволительно с общественной, политической, даже моральной точки зрения. Но *религиозное* общество не может будто бы его за это исключать, так как, по Струве, религия не имеет к этому никакого касанья. Розанова все-таки исключили. Тогда Струве — очень последовательно — вышел из Совета о<бщест>ва.

Спор, или борьба, однако, продолжались. Я не могу восстановить сейчас всей линии. Да это и не нужно. Помню, что всякую работу религиозно-общественную Струве называл «демагогией». Именно это было темой моего «открытого письма П. Б. Струве», напечатанного в последней перед войной книжке «Русской мысли» вместе с его ответом. (Приемы полемики в то время были такие, что мы могли спорить рядом.)

Итак — все ясно. Взгляды Струве определены были им самим, с присущей ему четкостью. Что же случилось? Как объяснить, что он стал ныне во главе газеты не просто политической, но православно-политической? Что он грудью защищает «истинное христианство» Ильина с «православным мечом» и крайне подозрительно и насмешливо относится к религиозному «аполитизму»?

Только два объяснения возможны. Не изменился ли Струве коренным образом? Может быть, религия для него уже не «приват захе», «седовласая» Православная Церковь не полезный институт для народных масс, а христианская политика не демагогия? Но если Струве «обрел истину» для себя, то как могло случиться, что об этом — уже не повороте, а перевороте — он умолчал? Вспомним, что именно *религиозный* переворот даже в человеке, менее прямом и открытом, чем Струве, никогда не происходит тайно. Он по природе, по существу таков, что кладет явный отпечаток на дела человека, он требует доказательства. Еще в политике, на худой конец, можно втихомолку сжечь то, чему поклонялся, и обратно; а Струве даже это делал всегда открыто. Как не покаяться бы он в прошлых «грехах», если б пережил своего рода путь в Дамаск?³

Нет, мы вынуждены отказаться от первого предположения. И вот как приходится объяснить неожиданное «православие» Струве: он коренных своих взглядов ни на христианство, ни на Православную Церковь *не изменил*. Он изменил только свою политику. Эта новая политика (новая для него, сама же по себе — наиболее «седовласая» из политик) требует своих аксессуаров, а главное — известных, испытанных *подпорок*. Одна из таких подпорок — Православие. Что удивительного, кстати, что многие верующие, не мирясь с этой ролью Церкви, пытаются утвердить ее хотя бы аполитизм? Но для Струве иерархия ценностей начинается с политики. Общий же рисунок его религиозных взглядов таков, что никак не может воспрепятствовать использованию Православия; а приспособить эти взгляды внешним образом к данной политике совсем нетрудно. У многих сегодняшних политических единомышленников Струве подобная же иерархия ценностей и подобные же религиозные взгляды: приспособление происходит успешно и даже искренно. В искренности Струве я несколько не сомневаюсь. Почему, в самом деле, при том взгляде на Церковь, о котором говорилось, не использовать ему для защиты политики Ильина, Шульгина, Ольденбурга⁴ и т. д. то Сергия Радонежского, то Серафима Саровского, от которого при случае можно перескочить к Константину Великому? Не все ли равно, кого потревожить, лишь бы «забились белые сердца» (по выражению Ильина) и годилось бы имя <для> поддержки «седовласой» политики?..

Об этой политике — политике Возрождения — я не буду сейчас говорить. Установим только одно: как ее ни звать — национальной, самобытной, консервативно-либеральной, либерально-консервативной, — все это словесные узоры. Самое точное, строго точное ее название — *реставрация*, восстановление. А самое краткое и несомненное, что можно в данный час истории сказать о политике реставрационной, это что она — гиблое дело.

